

В. В. Малышев

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ СОДЕРЖАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

*Работа представлена кафедрой общего и классического языкознания
Тверского государственного университета.*

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор Ю. Н. Варзанин

В статье рассматривается взаимоотношение между внутренним и внешним содержанием языкового знака. Автором сделана попытка приблизиться к пониманию его сущности, к пониманию его идеального. В работе автор опирается на исследования в этой области А. А. Потебни.

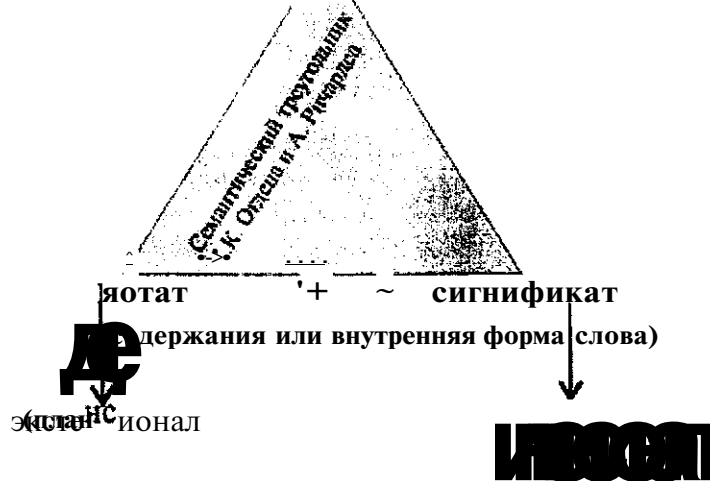
This paper deals with internal and external content of the linguistic sign. The author tries to approach to understanding of its essence and its ideal. The work is based on Potebnya's research works in this field.

Языковой знак - это идеально-материальная сущность.

В слове мы различаем: «внешнюю форму, т. е. членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание». И далее: «Если взять отдельное слово, не сопоставляя его ни с одним из предметов, то в нем легко можно обнаружить два содержания: объективное, ближайшее этимологическое, заключающее в себе только один признак, и субъективное, в котором признаков может

быть множество»¹. Иными словами, выдающийся филолог XIX в. указывает на означающее слова, на его фонетическое воплощение в речи, т. е. на его план выражения, и на означаемое, которое можно представить как денотат, суммированный с сигнификатом. «Если исключить второе, субъективное - то в слове останется только звук, т. е. его внешняя форма»². Сказанное можно представить в схеме. Основой послужит семантический треугольник Ч. К. Огдена и А. Ричардса (рис. 1).

Фонетическое, звучащее слово = означающее
(план выражения или внешняя форма слова)

157
Рис. 1. Семантический треугольник Ч. К. Огдена и А. Ричардса

Когда мы знакомимся, например, будучи ребенком, с новым для нас предметом или объектом окружающей действительности, мы связываем этот предмет с внешней звуковой формой слова, которая впервые произносится нашими родителями и которую мы отождествляем с познаваемым предметом. В дальнейшем на протяжении всей своей жизни мы уже самостоятельно формулируем свой мысленный словарный запас, называя или даже придумывая названия для предметов, создавая свою межязыковую культурную среду общения. Поэтому те слова, которые войдут в него, могут быть с успехом использованы при номинации известного предмета новым именем, новым мыслимым словообразованием, и примером тому послужит огромное количество неологизмов в языке.

Таким образом, благодаря напряжению нашей мысли мы без труда сможем найти нужное слово в нашем «словаре». Оно как таковое станет естественным образом соотноситься с называемым нами предметом, смешается в потоке наших мыслей с другими словами. Что казалось немислимым когда-то, станет нормой современного языка. Ср.: «Проголодался? Сникерсни!». Таким образом, звучащее слово (звук) нельзя назвать посторонним материалом для мысли, и об этом неоднократно писал А. А. Потебня: «Слово есть не столько выражение, сколько средство создания мысли»³. Возьмем другой пример: «Мысль не выражается, но совершенствуется в слове»⁴. Слово служит средством объективизации мысли, оно мысль преобразует, т. е. есть мысль в сознании человека, и она воплощается в слове. Но только как звук слово скрывает более сложные (внутренние) формы мыслительной деятельности человека. Эти формы могут воплощаться в любом звучащем слове независимо от организации его внешней структуры и морфемного ряда. Произносит ли ребенок звук «вадядядя» или «ванядяня», в его внешней форме им заложена «идея» (если по Платону) человека (его форма

внутренняя), который дарит игрушки и вкусные конфеты. На этом этапе только наблюдающий (родитель) заметит неточности (шумы) в соотношении значения слова произнесенного и понятия, мыслимого ребенком. В дальнейшем фонемный ряд слова изменится, и знак станет общепонятным для других, но для его прежнего носителя ничего не изменится: за *другой* внешней формой останется *то* прежнее означаемое.

Между звуковым оформлением мысли (означающим) и предметом (сигнификатом) всегда можно указать на названные шумы, например, при изучении иностранного языка. Когда мы на родном языке произносим слово «дерево», в нашем сознании возникает его образ (сигнификат). Но когда мы произносим то же слово на изучаемом нами языке (иностранном), то изначально видим его лишь в форме звуковой модели, но не в единении (вне связи) с понятием самого дерева. Нам остается только согласиться с учителем, что именно за данной внешней формой действительно стоит нужный предмет, мыслимый его обладателем. По мере же погружения в язык фонемная модель (шаблон) языковых единиц типа «стол», «стул», «дерево» и более сложных и абстрактных, типа «удивление», «негодование», «вразумление» и т. п., в конечном итоге «наложится» на сам предмет и зафиксируется в сознании реципиента (как ребенка, так и того, кто изучает иностранный язык). Только тогда уже можно говорить о закладке языкового фундамента прочной неразрывной связи знака и понятия, на основах которого в дальнейшем можно будет построить коммуникативный акт.

Возьмем другой пример. Переведем с русского языка на английский предложение «Я бы сделал это вчера, если бы у меня было на это время», при этом обращая внимание на образование сослагательного наклонения в английском языке. Изначально для его точного перевода изучающему английский язык необходимо знать о вспомогательных глаголах, при помощи которых

этот тип наклонения образуется. Он должен усвоить: 1) что в английском языке существует сослагательное наклонение трех типов, 2) что данное предложение относится ко второму, и как модель второго типа оно относится только к прошедшему времени. В итоге у него получится следующее «I would have done it yesterday if I had had time for this».

Отсюда следует, что изучающий иностранный язык акцент делает более на грамматику (внешнюю форму) и только потом уже на форму внутреннюю, т. е. на то, «что бы я действительно сделал вчера, если бы у меня на это было свободное время». Только таким вот способом, изучая модель звучащего слова (см.: would have done и had had), можно склеить две половинки языкового знака - его означающее и означаемое. Конечно, ученик может и не догадываться о трех типах сослагательного наклонения, но для корректного транслирования означаемого он все равно должен как-то его оформить (понять, изучить): или грамматически, или фонетически.

Данный пример нам указывает на тесную связь между словом звучащим и его понятием, которое это слово отображает.

Но несмотря на то что звучащее слово теоретически оформляет нашу мысль, оно не всегда может точно и верно, а главное, спектрально ее передать, передать *интенциональное* - сущность (от лат. *essentia*) предмета или явления. Свидетельством тому, считает Э. М. Ахунзянов, наличие в языке синонимов типа «сказать», «произнести», «проговорить», «промолвить», «пророчить», «изречь» и т. д. (конечно, синонимов в языке намного больше). В таком синонимичном ряду, по мнению автора, одно и то же понятие (сигнификат) выражается разными словами⁵. Связано это с тем, что, обладая прежде всего свойством социальной предназначенности, язык не способен однозначно выразить то, что находится за пределом познаваемого интенционального, поскольку это познаваемое «подвержено по-

стоянному воздействию системы и истории языка, удерживающего в своей семантике весь социально-исторический опыт народа»⁶. Потому что «в каждый данный период интенционал слова стремится к научному (для данной эпохи) определению, никогда не достигая его вполне»⁷. А язык - это прежде всего «знаковая (в своей исходной форме звуковая) деятельность, обеспечивающая *материальное* (курсив наш. -В. М.) оформление мыслей и обмен информацией между членами общества»⁸. В следующем примере мы отчетливо можем проследить «несовершенство» воздействия системы и истории языка на интенциональное, например, слова «радуга». С одной стороны, радуга мыслится как разноцветная дуга на небосводе, и ее возникновение объясняется преломлением, отражением и дифракцией света в каплях дождя. Перед нами одно представление интенционала (понятие) радуги. И понимание радуги, как о вечном напоминании о том, что на земле никогда больше не будет потопа, вызванного Господом Богом, призванного истребить все живое на земле за грехи людей, - другой интенционал. «И Я вспомню завет Мой, который между Мною, и между вами, и между всякою душою живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти. И будет радуга в облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом и между всякою душою живою во всякой плоти, которая на земле» [Быт. 9, 15-16]. Мы видим два разных понятия, относящихся к одному и тому же интенционалу. На самом деле их может быть намного больше, и объясняется это тем, что, разговаривая на одном и том же языке, скажем русском, мы по-своему выражаем свою мысль, которая формируется, перефразируя В. Фон Гумбольдта, в мире, лежащем между миром внешних явлений и внутренним миром человека. Отсюда каждый находит в нем свои ориентиры и, нащупывая то или иное свойство предмета, делает на него свое ударение, соответственно транслируя свое

отношение (свою точку зрения) к тому или иному предмету/объекту, иными словами, свой взгляд на интенциональное. Иначе, мы говорим о мировоззрении, которое и является основой формирования взгляда человека на окружающий его мир, т. е. началом восприятия «под своим углом» предметов мира. Источник формирования такого мировоззрения исходит из оппозиции «человек (земной, смертный) - Бог (неземной, бессмертный)», составляющей основу интенционала слова «человек». Какую субпозицию выбирает референт, зависит от принятия им себя или как существа смертного, - отсюда перед нами, например, существо эпохи Возрождения, общим пафосом которой стала идея гуманизма, отстаивание принципов творческой самостоятельности человека, его достоинства, права на земные радости; эпохи, согласно которой человек есть центр и высшая цель мироздания (anthropocentrism). Или принятия себя как существа духовного, для которого за любым понятием стоит божественное интенциональное, для которого слово - это готовый образец означаемого и означающего, переданный мне по наследству (моими родителями) для последующей его обработки под реалии уже моего общества и уже той культуры, к которой я сегодня принадлежу. Но если сигнификат слова сотрется, например, станет для русского человека истиной вместо «ни души» произносить фразу «nobody is here», то и слово («душа») может потерять свое значение, т. е. свое интенциональное.

Обобщение данных точек зрения делает возможной историю, которая дает и поддерживает убеждение, что «мир человечества в каждый данный момент субъективен, что он есть смена мирозерцания, истина коих заключается лишь в их необходимости, что мы лишь потому можем противопоставлять наше воззрение, как истинное, воззрению прошедшему, как ложному, что нам недостает средств для проверки нашего воззрения»⁹. О трансформации значе-

ния можно говорить и научным языком. Согласно тому же филологу при создании нового значения (новой формы), референт ссылается к предшествующей мысли, к предшествующему значению, состоящего из смыслового знака или внутренней формы, а также внешней формы. Когда же это предшествующее значение может стать представлением другого значения, то вместе с тем создается новая форма. Это и есть языковой механизм, всякий раз приходящий в движение, когда нужно закрепить в индивидуальном обозначении новое явление, т. е. выразить словом новое содержание¹⁰. А. А. Потебня, правда, нам не говорит о том, откуда берется это предшествующее значение, чтобы на нем можно было построить уже новое означаемое.

Обладея же предоставленным человеку уже готовым значением, человек, как существо социальное, использует данное ему слово для общения в отдельном взятом обществе с такими же людьми, как и он сам, по-своему настраивая коммуникативный акт на нужный ему лад. Известно, что для фермера, например, достаточно знать около 300 языковых единиц, чтобы вполне понимать коллег по работе. Сантехнику ЖЭКа хватит и двух слов для номинации всего ассортимента необходимого для работы инструмента. Но фермером может стать как человек, верующий в Бога, так и неверующий. Отсюда, существует ли разница в номинации как тем, так и другим одного понятия тем или иным словом и что скрывает каждый за номинируемым им понятием? И далее, возможно ли языковое разногласие между ними на «территории» одной профессии? То есть для нас актуально понять причину неудачи, ссоры между коммуникантами. Углубляясь в сущность вопроса, приведем следующий пример. Возьмем русскую народную сказку «Рукавичка». Читаем: «Ехал крестьянин по полю, да потерял рукавицу. Летит мимо муха. Видит, лежит в траве рукавица. Залезла она в нее и стала жить-поживать».

Летит комар:

- Кто-кто в рукавчике живет?

- Я, муха-цокотуха! А ты кто?

-А я комар-пискун!

- Иди ко мне жить!»

Далее прилетела пчела, затем бабочка, а после пришел крестьянин и поднял рукавицу, а все, кто там жил, в разные стороны разлетелись.

Перед нами рукавчик, но для тех, кто в ней живет, - это прежде всего дом. Дом - это понятие, сущность которого заключается:

1) в уюте, в малиновом варенье и в нежных словах мамы перед сном (ср.: *англ.* home);

2) в том, что дом защищает от дождя, града и прочей непогоды (ср.: *англ.* house).

Названные дефиниции есть интенциональн понятия слова дом, и он может быть в зависимости от моего теперешнего мыслимого состояния назван разными словами: избушкой, теремком, лачугой, убежищем и т. д. Животные в этом доме прекрасно уживаются, пока не приходит крестьянин и не забирает свою рукавичку. Оказывается, что интенциональное слова «дом» может потерять свое «новое» значение, т. е. потерять «интенциональное» (и малиновое варенье, и песню мамы, и крышу над головой). Теперь представим на миг, что те, кто разлетелись, никогда теперь уже не найдут другой такой дом, сущность которого будет заключаться в уюте и в малиновом варенье (такого понятия больше вообще не будет, оно будет стерто, как и «душа»!). Они, может, и найдут дом, но только с черепичной крышей

над головой. Вот об этом человек неверующий не догадывается, но об этом знает и об этом всегда помнит человек верующий: помимо материальной сущности предмета, он всегда смотрит на его идеальное. «Христиане ни местом жительства, ни языком, ни обычаями не отличаются от прочих людей, поскольку не обитают в отдельных городах, не пользуются неким отличным от других наречием и не ведут особого образа жизни. <...> Они живут на родине, но как иностранцы; участвуют во всем, как граждане, и все терпят, как пришельцы; всякая чужбина им - родина и всякая родина - чужбина»¹¹.

Поэтому для человека верующего языковой знак - это всегда *идеально-материальная сущность*. Таким образом, помимо «понятийного» общения про ключи и гайки верующий человек духовным оком будет всегда смотреть на того, Кто придет за «рукавичкой». И здесь на «границе» означаемого могут возникнуть разногласия между коллегами по работе, так как верующий будет говорить уже на «другом языке». «Никто не может познать то, что он еще не приготовлен познать, как бы близко ни находился предмет от его глаза: химик может безопасно сообщить плотнику свои самые драгоценные открытия, которые он ни за что на свете не поведаст другому химику. Плотник от них не поумнеет и не разбогатеет. Напротив того, нет возможности утаить в книге своих задних мыслей так, чтобы человек, равный с автором по уму, не проникнул их насквозь»¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М., 2003. С. 24.

² Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 114-115.

³ Потебня А. А. Теоретическая поэтика. С. 29-30.

⁴ Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1956. С. 330.

⁵ Ахунзянов Э. М. Общее языкознание. Казань, 1969. С. 107.

⁶ Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. М., 2005. С. 47.

⁷ Понятие //ЛЭС. 2-е изд. М., 2002. С. 384.

⁸ Там же. С. 606-607.

⁹ Потебня А. А. Теоретическая поэтика. С. 314.

¹⁰ Потебня А. А. Эстетика и поэтика. С. 176.

¹¹ Пьер-Мари Бод. Христианство. М., 2003. С. 88-89.

¹² Эмерсон Р. Нравственная философия. М., 2000. С. 159-160.